

Я проснулся в оцепенении. Глядя на часы, они показывали 6:47 утра, намного раньше, чем я обычно просыпаюсь во вторник. В конце концов, было лето, школа закончилась, а мы с сестрой-близняшкой собирались осенью поступать в местный университет. Почему я проснулась? Обычно я спал до 7:30 до будильника.

Затем я слышу тихий, приглушенный стон сквозь стену. У нас с сестрой были свои комнаты на втором этаже. Наши кровати были соединены вдоль одной и той же стены, так как наши комнаты довольно маленькие. Будучи старше близнецов на несколько минут, у него было несколько дополнительных квадратных футов, достаточно для небольшого письменного стола, но не более того. На втором этаже располагались только ванная, небольшой чердак и прачечная. В основном это было над гаражом на три машины с главной спальней наших родителей и жилыми помещениями внизу по лестнице.

Я сделал паузу, ожидая услышать что-то снова. Моя утренняя древесина беспокоилась о моей «младшей» сестре, которая была всего на несколько минут моложе меня. Я смотрел на нее так, потому что она была физически меньше меня. Она была невысокой, с очень маленьким туловищем и длинными ногами. Мы оба были занудными детьми, которым в основном нравилось играть в игры и смотреть научно-фантастические фильмы. Мы были лучшими друзьями и никогда не гуляли и не устраивали вечеринок, как многие наши молодые друзья. Мы были довольны своей счастливой жизнью.

Эти мысли случайным образом пронеслись в моей голове, пока я ждал... 6:52 появились на часах, когда второй приглушенный звук пронзил стену. Я беспокоился за свою сестру, но был заинтригован. Раньше такого никогда не было, и я не знала, что делать. Ни у кого из нас не было ни парней, ни подруг. Мы были как бы защищены на протяжении всей нашей жизни. Наши родители были трудолюбивыми людьми, которые уходили на работу в шесть тридцать и возвращались домой около пяти тридцати. Мы сидели и ужинали вместе, а каждый вечер смотрели телевизор. Идеальная семья.

Пока я размышлял над этими вещами, мой утренний лес начал возвращаться, когда я думал о том, что происходит в ее комнате. Сам того не осознавая, я теперь мягко прислонился к гипсокартону и деревянной раме, разделявшей нас с сестрой всего на фут. Я даже не осознавал этого, пока часы не показывали 6:54 и третий тихий звук не проник сквозь стены. Это был звук удовольствия, который можно было объяснить только одним способом. Она мастурбировала.

Шокирована, огорчена, но самое главное, я была невероятно возбуждена. Я никогда не считал свою сестру сексуальной личностью. Я догадался, что она мастурбировала, и я уверен, что она знала, что я это сделал, но я никогда не рассматривал возможность услышать это. Однако это был еще один тихий стон. Моя утренняя древесина быстро превращалась в утреннюю сталь.

Должно быть, она решила, что я все еще сплю и позволяю себе некоторые вольности. Это имело для меня смысл, но я не мог не прижать ухо к гипсокартону, надеясь услышать больше этого восхитительного звука. Недолго думая, я скользнул рукой к моему пульсирующему члену. Лето было жарким, и в эти летние месяцы мне была нужна только тонкая белая простыня.

Потом снова... тихий, приглушенный стон сорвался с ее губ и прошел сквозь стену. Темп медленно нарастал, и я пытался сопоставить свои удары со звуками, исходящими от стены. Она была миниатюрной, несмотря на то, что мы были близнецами. Не идентичны, у нас было несколько генетических различий. Она была длинноногой и миниатюрной, как наша мама, а я был выше и сильнее, как мой отец. У нас действительно было сходство личностей в наших

высших учебных заведениях и увлечениях.

Мой разум теперь метался, ожидая следующего звука. Теперь я думал обо всех тех временах, когда мы проходили друг мимо друга по утрам. Она будет одета только в длинную футболку, и я предположил, что под ней будут трусики. Ее грудь превратилась в зазорные чашки В или, может быть, в маленькие чашки С. У меня был небольшой опыт в этой области, и я не мог судить. Ее соски иногда напрягались, когда я ее видел, но она была моей младшей сестрой. Я был ее старшим братом и защитником. Она была моей лучшей подругой. До сих пор я никогда не думал о ней иначе.

Она носила трусики по утрам? Она была голая под этой длинной футболкой? Как она выглядит без одежды? Я не мог очистить свой разум от ужасных кровосмесительных мыслей, пронизывающих его. Я был девственником, и я был уверен, что она тоже. У нас действительно никогда не было серьезных парней или подруг. Наши родители были счастливы позволить нам уединиться в нашей учебе и хобби наверху в нашем доме. Если бы не семейное время, мы бы, наверное, никогда не спустились вниз, кроме как в школу или на баскетбольные площадки.

Она всегда была со мной, хотя и не играла. Когда я больше думал об этом, все, что я делал, она просто соглашалась и пыталась наслаждаться. Возможно ли, что она сабмиссив? Я никогда не считал себя доминирующим мужчиной, но мне нравится брать на себя инициативу в массовых многопользовательских видеоиграх, в которые я играю. Она всегда играет роль целителя или ремонтника, когда мы играем. Она всегда поддерживает все, что я делаю без жалоб.

Эти мысли поглощали меня, пока я не услышал еще один стон. Этот был громче и менее приглушен. Должно быть, она приближается, подумал я. Лишь через несколько секунд еще один тихий и менее приглушенный стон. Ее шаг и темп ускорились. Сам того не осознавая, то же самое было и с моей рукой. Я был так возбужден, что не мог сдержаться. Мысль о том, чтобы дронить с ней одновременно, поглощала мою совесть. Мне казалось, что мое тело работает на автопилоте, а мой мозг не имеет права голоса.

Моя рука двигалась быстрее, в такт стонам, проносившимся сквозь стену. Я тоже приближался. Мои боксеры давно освободили мой член, и я гладил его так быстро, как только мог. Еще один стон удовольствия, на этот раз он исходил не через стену, а из моих собственных губ. Это не было хвalebным, но за ним последовало больше через стену. Я терял всякий контроль между ее стонами и собственными звуками удовольствия. Что я делал? Я не могу этого сделать, мой разум боролся, но тело не слушалось. Еще одно ворчание, более громкое и прямое. Я молился, чтобы она не услышала этого, когда мой темп пытался соответствовать ее темпу, наши стоны тихо проходили сквозь стену, когда каждый из них достигал кульминации одновременно.

Я слышал, как ее кровать тряслась о стену, когда моя собственная отвечала на ее движение. Мое семя начало брызгать на простыню, покрывающую меня и пропитывающую мои боксеры. Пружины ее кровати говорили со мной через стену, скрипя под ее спазмами. Моя рука была покрыта, стоны через стену достигли своего пика. Звук движущихся пружин приглушен, мой собственный оргазм в своем последнем броске. Остатки эякулята покрыли мою руку, простыню и боксеры. Я пролежал там целую вечность, казалось. Пропитанный величайшим оргазмом в моей жизни, пока я перечислял своей сестре мастурбацию до ее собственного оргазмического блаженства.

Я не мог двигаться. Мне было стыдно, неловко. Я умолял всех, кто мог услышать меня, чтобы она не слышала, что я сделал. Моя младшая сестра, мой лучший друг, только что доставила мне лучший оргазм в моей жизни. Я был парализован. Потом тихий скрип пружин... она вставала с кровати. Меня охватила паника. До летних каникул оставалось всего несколько

недель. Как я мог смотреть ей в глаза после того, что я сделал...?

Тихие шаги и ее дверь открывается... Я не мог оторвать уха от стены... шаги в коридоре. Ванная была на ее стороне, белье — на моей. Ее шаги приблизились к моей двери...

Мягкий стук... "Джо, ты не спишь?" прошептала она.

Может быть, она не знала... может быть, она не слышала, что я сделал, потому что была потеряна в своем собственном блаженстве. Я должен был сохранять хладнокровие.

«Да, я только просыпаюсь...» Я задохнулась, и мой голос стал еще хуже, чем когда я достиг половой зрелости.

Долгая пауза... она не шевелилась...

"Я был... ну, я подумал... может, нам стоит... сегодня постирать..."

Она знала... Паника охватила мой разум. Она знала, что я только что выпил, слушая ее... Я не мог говорить... Я был заморожен. Она продолжила после долгой паузы.

"Если ты... хорошо... я сделаю это... стирку... для тебя..."

Я был без контроля. Мое тело больше не работало на здоровом уме. Я был парализован психически...

— Да, встретимся в прачечной.

Что, я только что сказал? Как я мог такое сказать? Я весь в собственной сперме, и мои простыни пропитаны моим семенем. Что я делаю?

Мое тело поднялось и встало. Я медленно восстанавливал контроль. Прачечная была на моей стороне, поэтому, если бы я побежала в ванную, это было бы очевидно. Затем что-то ударило меня. Что-то, чего я никогда раньше не чувствовал. Отпущение грехов, которого никогда не было. Я был хорошим ребенком, послушным. Я никогда не переходил в наступление, кроме как в видеоиграх, но теперь я чувствовал себя по-другому...

Если она знала, то знала. Зачем это скрывать? Как я мог? Даже смена боксеров не смогла смыть запах моей спермы, покрывающей мою руку и пах. Это было почти похоже на сон наяву, когда я собирала свои тонкие белые простыни, пропитанные моим собственным оргазмическим продуктом.

Единственными звуками, которые были слышны, были ее маленькие шаги, когда она шла в прачечную. Я был зомби похоти. Я не мог остановиться, я только что отбил от сестры, и она это знала. В пропитанных спермой боксерах и простынях я вошел в крошечную прачечную, которая у нас была.

Запах был безошибочным. Это был запах секса и страсти. Хотя это было не мое. Она стояла перед стиральной машиной, засовывая простыни в стиральную машину. Я чувствовал запах возбуждения в комнате, от моей спермы до ее соков. Она посмотрела на меня и покраснела. Краснея с каждой секундой, пока мы стояли там. Я держал свои простыни, и она посмотрела вниз. Стыдно и уязвимо. Мне хотелось дотянуться до нее и обнять. Скажи ей, что мне было несказанно жаль, но ничего не слетало с моих губ. Мы стояли молча.

После вечной тишины она подняла глаза.

"Я должен... ну, я подумал... может быть, я должен... сушилка... вчерашняя одежда..."

В этот момент в крошечной прачечной со стиральной машиной и сушилкой слева от нас. Стена справа и два человека едва могут разойтись, она наклонилась. Ее ноги застыли в вертикальном положении, и только талией она потянулась к сушилке. Ее хлопчатобумажные белые трусики промокли. Ее ноги на ширине плеч. Ее покрытая трусиками киска выставлена на всеобщее обозрение для меня. Глубокая влажность поглотила ее нижнюю часть и сделала ее частично прозрачной. Я мог видеть ее опухшие губы, прижимающиеся к ткани. На ней были трусики, слишком маленькие для нее.

Я хотел отвести взгляд, я никогда не хотел видеть и думать таким образом, но я не мог сопротивляться. Мой разум бунтовал, но мое тело контролировало ситуацию. Я наблюдал за ее влажностью, ее красивыми пухлыми губами, прижимающимися к тонкому материалу. Ее попка круглая и твердая. После всех этих лет я теперь знал, что было под этой футболкой. Без какого-либо умственного сопротивления моя эрекция снова начала расти. Мои боксеры, все еще промокшие от моего последнего сеанса удовольствия, смазывали мой пенис. Она встала после того, как переложила большую часть сухого белья в корзину, и увидела выпуклость и влажность между моими ногами. Она стояла и смотрела, ни один из нас не мог говорить. Моя эрекция продолжала расти у нее на глазах. Ее соски сильно прижались к мягкому материалу футболки. Он был большим, но дерзкие груди под ним обеспечивали достаточную прочность против материала.

Мы замерли в этом состоянии, казалось, на несколько дней. Моя эрекция прижалась к границам моих боксеров. Глядя на ее прекрасное тело, я потерялся в похоти и желании. Ее лицо было краснее всего, что я когда-либо мог себе представить на человеческом существе.

"Я могу... постирать... тьфу, твои тьфу... простыни..."

Она сказала чуть громче шепота и протянула руки. Недолго думая, я позволил ей взять простыни, все еще мокрые и испачканные в моем кровосмесительном сеансе рывка ее голосом через стену. Я наконец пришел в себя.

«Я собираюсь принять душ».

Затем я сделал паузу... ее голос врезался в мою реальность.

"Если хочешь... может быть... мы можем заняться... завтра... стиркой... вместе..."

Что она имела в виду? О чем она думала? О чем я только думал?

Она покраснела еще больше, после чего, не говоря ни слова, я кивнул в знак согласия.

Мне нечего было сказать. Неловкость момента контролировала все. Ко мне возвращались чувства, и чувство вины за то, что я сделал, переполняло меня. Я повернулась и пошла по коридору, чтобы принять душ.